

Посудомойка / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Посудомойка / рассказ ПОСУДОМОЙКА

1.

Михаил Иванович закончил работу раньше обыкновенного. Запер тяжёлую дощатую дверь, неспешно закурил и побрёл домой. От кузнечной мастерской, где он работал без малого четверть века, до улицы Ворошилова было не более двадцати минут. Дома его ждала жена Анастасия, тоже Ивановна, и малолетний Павлик, внук.

Михаил Иванович шёл, дымил и пытался не думать о том, о чём в последнее время думали и говорили все: о неожиданно быстром продвижении немцев, о бомбёжках в Москве, о мобилизации, но чаще — об эвакуированных из столицы, которых велено было брать на подселение.

Не думать у Михаила Ивановича не получалось. Мысли сами занимали ум, но были слабы и неустойчивы: теснились, обрывались, появлялись вновь, — так что в голове вместо ясности оставалась одна только тяжесть неопределённости, а в груди — ощущение близости беды.

Тут он вспомнил, что завтра воскресенье, а значит, они пойдут с внуком рыбалить. Представил сосны в их невозмутимости, знакомый берег речки, закинутые удочки, Павлика, вытаскивающего садок из воды... В этой картине было столько правды и тишины, столько родной силы, что сердце обволокла сладкая вяжущая боль.

«Не сегодня-завтра на фронт отправят, — бубнил Михаил Иванович. — На фронт ничего. Надо будет — пойдём. Вот только Павлушку-то в жизнь кто вытащит? А скоро дочка вернётся. Ей где жить? Посудомойка с сыном комнату заняли. В пристрое с Павлушкой не поспишь. Тепереча холодает по ночам: осень на носу. Свалились на нашу голову! Свиридовы — те вон не приняли. «Белоэмигрантка», говорят. Откуда знают? Но дыма-то без огня...

А нам вот подкузьмило. Не от мира сего. Всё молчит и курит, курит. Усохла вся уже. Самосад-то наш чё ей не курить? Да не жалко – пусть курит. Права Анастасия: как есть Баба-Яга. Не иначе морока будет. Хоть бы работа нашлась или по хозяйству умела что... «Я посуду могу мыть и французский знаю». Ну, ты погляди! Кому нужен её французский! А для посуды-то и Павлушка сноровку имеет. Картошки на зиму маловато... С ног валюсь. Ещё снасти надо».

Лишь подходя к дому, он мало-помалу стал успокаиваться: «Может, напрасно я? Война, всем туго. А им-то, столичным, небось, совсем худо – разнеженные. Ладно, поглядим. Дочь – на моём месте, а я и на полу, чего там. С божьей помощью. Пацана завтра на рыбалку взять, что ли? А то лежит, газетку почитывает. До дыр исчитал. Да, надо взять. Заодно про отца расспрошу. Может, воюет, а я сужу их, как НКВД какой-то».

Он зашел в сени. Из глубины дома доносилось мяуканье.

– Анастасия-я-я, – позвал Михаил Иванович, скидывая пыльные сапоги.

– Деда, деда пришёл!

Из дальней комнаты выбежал мальчуган лет семи – тонкая шея, оттопыренные уши, выгоревшие на солнце волосы, майка с пятнами на пузе. Следом показалась крепкая женщина средних лет, с открытым взглядом и мясистым носом. Волосы забраны под белой косынкой. Поверх чёрного платья с яркими пятнами вишенки – холщовый фартук с большим карманом.

– О! Ранёхонько ты сегодня. А супчик уже готов. Не стряслось чего? – спросила она.

– Чё у нас стрястись может? – Михаил Иванович повесил кепку на гвоздь. – Идём за стол. Смерть как жрать хочу.

– Супчик жидковатый получился, но ничего... Рыбка вот, картошечка, лучок свежий, – засуетилась Анастасия и посмотрела на перегородку.

За ней была еще одна, совсем крохотная комнатенка, даром что в три окна.

– Павлушка! А ты чего уселся? Ну-ка, руки мыть, живо! И майку переодень!

Анастасия выставила на стол только что сваренную картошку и

подняла глаза на мужа.

– Из горсовета днём приходили. Сказали, что завтра от каждой избы – по два человека. На расчистку площадки. Аэродром, говорят, будет. Может, фриц к нам уже подлезает, а мы ни сном ни духом. Неспроста ведь аэродром решили, а? Совсем, видать...

– Ты чё мелешь? – перебил Михаил Иванович. – Мальца не пугай! Пока товарищ Сталин в Кремле, немцу Москву не видать, тем паче к нам не добраться. Кишки вылезут.

– Твои бы слова да Богу в уши. Ладно, не накаляйся, не в кузнице. Тут и без того жарко нынче было. Подселенцы такое устроили! – Анастасия перешла на шёпот. – Я Павлика на улицу выгнала – до того перепугалась.

– Чё такое? – пробурчал Михаил Иванович и опустил ложку в суп.

– Её не было весь день. К вечеру вернулась. И началось: ругались так, что во всей округе, небось, слышно было. Думала, подерутся, ей-богу. Всё больше он орал. Вот тебе и сыночек у мамыши вырос! Прости Господи. Глаза ледяные – смотрит волчонком.

– Из-за чего ругались-то?

– Кто их разберёт. Не по-нашему.

«Белозэмигрантка, не иначе», – подумал Михаил Иванович.

– Павлуха, хлеба передай.

– Деда, а мы рыбалить пойдём завтра? – мальчонка протянул через стол ломоть чёрного хлеба.

– А ты не встревай, когда старшие говорят, – отрезал тот. – Не наше это дело, Анастасия. Поссорились – помирятся. У всех так. Ты про аэродром давай...

– Я же говорю: завтра идти убирать место под этот аэродром. За работу буханку в руки обещают. Надо только мётлы взять. Больше ничего не сказали. В десять собирают у техникума.

Михаил Иванович вздохнул, взглянул на внука – тот в ожидании вытянул тонкую шею – и продолжил:

– Хрен им. Обманулись. Мы на рыбалку пойдём. Люблю порыбалить, грешен. Да, Павлуха? – подмигнул он внуку.

– И я грешен, – подхватил Павлик и застучал кулачками по столу.

– Неделю спину гну, мать вашу. А здесь, в законный выходной...

Эвакуированных бери, – Михаил Иванович понизил голос. – Метлой махать ума не надо. Иди, Павлуха, червей копай. Да побыстрому, пока не стемнело.

– Угу, – внук вскочил из-за стола и тут же умчался.

– Я снасти соберу. Ты, мать, еды нам сообрази. Рано уйдём и на весь день, может, – сказал Михаил Иванович усталым голосом. – Эвакуированных, поняла?

– Тихо у них. Угомонились. Спят, что ль? – нерешительно спросила Анастасия.

– Утром им скажешь. Про буханку не забудь. Со всех ног побегут.

2.

Спозаранку Анастасия проводила своих и принялась за хозяйство: протёрла полы, прибрала в пристрое, заштопала Павлушкины носки, поставила варить кашу.

Из комнаты, где разместились квартиранты, не доносилось ни звука. Она решила подождать. Но ни в восемь, ни в девять, ни в половине десятого подселенцы не показались.

«Вчера надо было предупредить, – подумала Анастасия. – Нет, чего это я, правда? Будто не в своём доме! Будить надо и всё. Спят, видите ли. Посудомойка – та хоть работу ищет. Умора: «...и французский знаю». Может, она во Франции посудомойкой была? Да мне-то что за дело, ей-богу. За рыбу платит – и ладно. А сыночек – тот, видать, думает: раз мать есть, можно дурака валять. Ох, орал вчера, как бесноватый. Прости Господи. Всё, хватит. Будить стану».

Она постучала по перегородке сначала негромко, затем решительней.

– Да-а, – из комнаты раздался слабый женский голос.

– Вставайте. Власть на работы зовёт. Аэродром будем делать. В десять сбор, – твёрдо сказала Анастасия и заглянула в комнату.

– У техникума.

«От такой бы и пьянчуга шарахнулся. До чего баба себя довела!»

– подумалось ей.

«Француженка» сидела на кровати в мятой синей юбке «в

вафельку» и фланелевом, изрядно потасканном халате. Растрёпанная, неприятная. Ноги были укутаны в обмотки, а красные веки резко выделялись на сером, обескровленном лице.

– У просветтехникума? Знаю. У них библиотека. Нас туда привезли сначала.

– Знает она... Идти, говорю, надо. Миша на рыбалке. Ворчал вчера: «Один выходной, и тот отбирают». Они с Павлушей с утра пораньше ушли. А требуют двоих от избы. Каждому буханку обещали.

– Я не могу. В совхозе, на овощебазе вчера была. Думала, может, возьмут – бумаги какие оформлять... С трудом дошла обратно: ноги распухли. В совхозе, на овощебазе, вчера, там, – повторила она и показала рукой в окно.

– Знаю я, где овощебаза, – перебила Анастасия. – Почитай, сорок лет здесь живём.

– Тише, – женщина перевела взгляд на сына, который натянул одеяло на голову. – Пусть поспит.

Она спрятала седые засаленные волосы под берет горохового цвета, сложила руки на коленях и, взглянув в лицо Анастасии, прошептала стыдливо: «Простите, я сегодня не могу. Никак не могу. В другой раз. Обязательно. А нынче не могу».

– Пусть тогда сын идёт. С людьми познакомится. Глядишь, работу ему кто посоветует, – предложила хозяйка.

– Работу? Что вы! Ему учиться надо. Он очень способный. И вообще, мальчиков беречь нужно, ведь им, возможно, на войну придётся, – несколько секунд она не отводила глаз от кровати сына, а затем уронила голову на грудь, придерживая берет рукой.

Анастасия ухмыльнулась и собиралась было выйти, но паренёк, которому на вид можно было уверенно дать шестнадцать, если не все семнадцать, отбросил одеяло, сел на кровать и с такой решимостью сказал: «Я пойду», – как если бы речь шла о готовности идти в тыл врага.

– Тогда давай поскорее. Хлеб, молоко на столе. Успеешь поесть. Тут недалеко, – сказала Анастасия.

– Не буду. Идёмте.

– Я в сарай, мётлы возьму, – Анастасия сняла фартук и

протянула женщине. – Держи, домовничать без нас будешь. Каша на печи. Не забудь снять.

– Каша? Да, сниму, сниму обязательно. Погода сегодня прелесть! А солнце как будто ненастоящее. В какой-то притворной ярости... Как тогда, в Гавре двенадцатого июня тридцать девятого, помнишь, сынок? – произнесла она и стала вглядываться в окно. Из него виднелась пустующая, ободранная, никому не нужная Покровская церковь. Кресты сшибли, а купола давно забыли свой блеск. На колокольню забирались разве что местные пацаны для своих мальчишеских забав. И то, что эта нелепая церковь бессмысленно стояла в это чужое время, да ещё здесь, в центре этого города, само по себе было чудом. В её сиротстве ещё угадывалось неистребимое влечение к жизни, но, вместе с тем, и признание окончательного забвения всего, что исчезает с необходимостью быть.

Парень быстро оделся. Его взгляд скользнул по неубранной постели, разбросанным листам бумаги на маленьком столе, неподвижному лицу матери.

– Чего тут просиживать? Тем более с тобой, – он схватил фуражку со стола и вышел из комнаты.

3.

Она сидела и глядела в окно. Мимо церкви проходили люди – группами и поодиночке, с лопатами и мётлами. В марше двигалась небольшая колонна, оставляя после себя шлейф пыли и обрывки песенных строчек: «разгромлен будет», «победа наша», «плечом к плечу мы встанем рядом».

– О победе поют, а он всё прёт и прёт, – сказала она.

Потом заставила себя встать, надела фартук и, волоча ноги, пошла снимать кашу. Вернувшись в комнату, снова села на кровать, не понимая, что делать дальше.

Солнце пробивалось сквозь дорожную пыль, весело отражалось в окнах домов на противоположной стороне улицы и разлеталось во все стороны миллионами беззаботных лучей.

«Чёртово городище. Какое верное название! Всюду свинцовые мерзости. И люди здесь ужасные. Сплошь – мёртвые. Но не знают

об этом, продолжают жить. Разве это жизнь – когда ты мёртв? И никто не скажет тебе этого. Ибо все живые трупы. Убитые страхом. Труссы. Талантливые трусы. Кругом. И меня уже нет. Истончилась, порвалась. Вся – страх. Мука жить. Мёртвой. И решиться не могу – страшно. Страшно самой – себя. Для себя. А для тебя – нет. Смогу. Для тебя – смогу. Безумно люблю тебя, Мурлыга, потому смогу. Это лучшее решение. Тебя не оставят. А со мной пропадёшь. Будешь учиться, и я буду счастлива. Для меня дальше только хуже. Меня, в сущности, нет. Была. Любила многих. Стихи писала. Отумела, отхотела. Нет больше моего дома. Пена морская, безработная судомойка – вам ни ко двору, ни ко времени. «Поцвела, поцвела и скукожилась». Так, кажется, мой милый Маяковский? Ты прав. Был и будешь прав. Ça y est, Marina Tsvetaeva.¹ Нет, Нет. Ils enterreront vivant.²

Замяукала кошка.

Марина взяла карандаш и начала писать быстро, уверенно, не задумываясь. Когда наконец остановилась, вспомнила о Гоголе и дописала: «Не похороните живой! Хорошенько проверьте».

1. *Конец, Марина Цветаева (фр.)*

2. *Они похоронят живой (фр.)*

Об авторе: АНДРЕЙ АГАФОНОВ

Прозаик. Родился в Куйбышеве, учился в Куйбышевском авиационном институте. Выпускник Литературного института имени М.Горького. Первый Лауреат международного конкурса «Новые имена-IV» (номинация «Проза»). Neкаýalar